

А. В.
АМФИТЕАТРОВ

Узбранное

Александр Валентинович Амфитеатров

Из записной книжки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2785095

Аннотация

«Судя по газетным отчетам, интересный вечер был в Париже. Говорили о большевиках – Бунин, Мережковский, Карташев и др. Так что даже жаль, зачем отчеты коротки. Хотелось бы побольше. Д. С. Мережковский, по обыкновению, доказывал, что вся русская беда – из одного корня: Христа забыли, – он, Сатана то, и тут как тут. И пророчествовал, что большевизм погибнет от Христа и мир воскреснет и возродится Христом...»

Содержание

Верх российской мечтательности	6
Гримаса действительности	7
Из письма моего поверенного в Петрограде	9

Александр Валентинович Амфитеатров Из записной книжки

Судя по газетным отчетам, интересный вечер был в Париже. Говорили о большевиках – Бунин, Мережковский, Карташев и др. Так что даже жаль, зачем отчеты коротки. Хотелось бы побольше.

Д. С. Мережковский, по обыкновению, доказывал, что вся русская беда – из одного корня: Христа забыли, – он, Сатана то, и тут как тут. И пророчествовал, что большевизм погибнет от Христа и мир воскреснет и возродится Христом.

Все это прекрасно и очень убедительно. Без Бога до порога. Но есть и другая хорошая русская пословица:

– На Бога надейся, а сам не плошай.

Ее в «контр-революционной» эмиграции, к сожалению, очень плохо помнят. И далеко не так многие, как хотелось бы.

Христос, Христа, Христу... Вера – сила мощная, упование – дело похвальное, но...

Жил был некогда на Руси кавалерийский генерал, – князь Яшвиль, человек характера прямого, ума остраго, слова резкаго. Делал он однажды смотр полку своего корпуса или своей дивизии, – не помню уж, чем он командовал: «не мастер

я полки то различать». Выездка лошадей оказалась никуда негодной. Яшвиль сделал выговор полковому командиру. Тот, в оправдание, сослался на молодость и неопытность командиров эскадронных. Яшвиль вспыхнул:

– Та-ак! Завопил. Вы на эскадронных!? А эскадронные на взводных?! А взводные на вахмистров?! А вахмистры на солдат!? А солдаты, как им больше не на кого, так на Господа Бога?!.. Господь то Бог и скажет: – Врете вы, сукины дети! Я вам не конюх, чтобы лошадей выезжать! У меня и без ваших лошадей много дела, выезжайте сами!

Думаю, что хорошо сделала бы эмиграция, если бы «выезжала» свою тощую и спотыкливую «контр-революцию» сама, не перелагая очередных забот на Христа и не приемля Его имени всуе. А то ведь все это немножко из Куропаткина:

– Неприятель нас пушками, а мы его иконами, неприятель в нас бомбами, а мы в него молебнами.

Верх российской мечтательности

Есть в Вятской губернии уездный город Нолинск, преобразованный в таковой в 1781 г. Екатериною II из строгановского села Ноли. При возведении в степень города, Нолинск, как водится, получил герб: изображение летящего лебедя в голубом поле. пожалование герба сопровождалось объяснением, почему Нолинскому присваивается именно лебедь:

– «Так как эти птицы, не останавливаясь в окрестностях сего города, мимо пролетают».

Lucus a non lucendo.

Уверение в невидимом, как бы в видимом, в уповаемом и чаемом, как бы в настоящем.

Есть, потому что нет.

Хотя указ о Нолинском гербе немкою писан, но – сколько в нем русской души!

Гримаса действительности

С месяц назад получил нежданно-негаданно из Лондона письмо от приятеля, котораго давным давно почитал в покойниках большевицкого производства.

Пишу ему с радостью:

– Ура! Итак тебя не разстреляли?

Отвечает на другие вопросы толково и обстоятельно, а на этот дико:

– Раз я пишу тебе собственноручно, то ясно, что я не разстрелян. Напротив!

Озадачил. Первая половина ответа, пожалуй еще туда сюда: не лишена основательности. Не требуй подтверждения словами тому, – что засвидетельствовано фактами. Но – «напротив»? Как это «напротив»? Что значит «напротив»? Обласкали его, что ли большевики? Уж не перекачнулся ли старик под красную звезду? Не нюхается ли в Лондоне с Раковским или, кто бишь там еще?

Пишу:

– Друже, объяснись.

Немедленный ответ:

– Да нет, с чего ты взял? Просто – разстреляли большевики у нас на улице две семьи напротив, а мы с женой благополучно отсидели в подвале за пустыми бочками. Извини мой, смутивший тебя, лаконизм (как я извиняю тебе твои гнусные

подозрения) и припиши его спартанскому образу жизни, который мы с женой вынуждены вести, – сегодня, например, даже без «черной похлебки».

Ах, чтоб тебе, с твоим лаконизмом, самому, как бочке, пусто было! Впрочем не поздно ли желать? Ежели без похлебки, то и так уже пусто.

Показываю письмо жене. Улыбается, говорит извинительно:

– Как будто ты не знаешь, какой он... неунывающий... юморист.

Превеселая, однако, штука юмор человека, отсидевшегося от разстрела за пустыми бочками, слыша, как разстреливают семьи напротив. Славился когда то немецкий Galgenhumor, недурно острили французские жентильомы перед гильотиной и английские висельники. Но всю эту «розницу» XX-й век отодвинул в область преданий. Россияне, прошедшие школу октябрьской революции, побивают оптовый рекорд. И в количестве и в качестве.

Из письма моего поверенного в Петрограде

«Ваш „Слуга двух господ“ (перевод комедии Гольдони) идет безсменно, не меньше одного раза в неделю (обязательно), но должен сообщить Вам неприятное: в получении авторского Вашего гонорара мне отказали. Получил только то, что писал раньше, эту небольшую сумму я и держу в червонце (выразительное единственное число для пьесы, идущей каждую неделю!). Декрет гласит, что все, выехавшие за границу, без разрешения правительства, писатели-драматурги лишаются получения авторского гонорара.

Чистая работа! Даже весело, право! „Настоящие парни“» – из рассказа Аркадия Аверченко.

При царском правительстве я два года был ссыльным, двенадцать лет эмигрантом. Бывало в этом сроке, что запрещались мои статьи, конфисковались мои книги, снимались со сцены мои пьесы. Плеве требовал от меня подписки, что я вовсе перестану писать. Всякия чудеса бывали. Но того, чтобы правительство, пользуясь для своих театров постоянно идущей доходной пьесой, воровало у автора причитающийся ему гонорар, – нет, такого карманного жульничества не бывало.

Когда на русском рынке еще обращались одновременно

деньги царские (под двуглавым орлом), думские (под полушарием и куполом Таврического дворца) и советския (под серпом и молотом), армяне-менялы расценивали их по гербовым картинкам:

– С птицем биром, с банем биром, с отмычком не биром.

В последнем случае, устами дальновидных армян глаголила сама истина. Какой там к чорту серп и молот! Именно воровская отмычка да фомка-лом!.. Настоящие парни!

Александр Амфитеатров. Из записной книжки // Наш мир. Иллюстрированное приложение к «Рулю». 1924. № 1, 23 марта. С. 6.